

Даже в самых полных и самых радикальных философских словарях статьи о Тинто Брассе и уж тем более о таком философском течении, как «брассианство», не найти. Может быть, после этих слов кто-то в праведном гнев уже разрывает в клочья никогда не краснеющую бумагу, на которой редко краснеющий Брасс сопоставляется со священным званием «философа». Ведь несмотря на то, что у «короля эротики» в марте — 65-летие, его мало кто любит.

Добропорядочные семьянины считают творения режиссера, уделом любопытных подростков и ностальгирующих стариков. А эстеты и интеллектуалы считают его слишком вульгарным и отказываются искать в подобном творчестве скрытые подтексты и аллюзии.

Ему следовало родиться совсем в другое время. К примеру, в ту эпоху, когда жил Гай Петроний, проводивший свою жизнь в разврате и пьянстве. А ныне роман этого имморалиста «Сатирикон» входит в число ценнейших текстов мировой литературы. Сладострастный маэстро органично бы вписался и в то время, когда Франсуа Рабле прославлял Телемскую обитель, устав которой состоял из одного правила: «Делай что хочешь». Возможно, именно из-за этой исторической несправедливости главный герой фильма Брасса «Вопль» бежал в неизвестность с нечеловеческим криком: «Ненавижу историю!». Между тем еще каких-нибудь пара сотен лет, и — и легкие фильмы этого похотливого старца будут рассматривать как философские трактаты.

Удивительно, но корни сего зрота уходят в Россию. Его бабушка была землячкой Бубы Касторского. Может быть, поэтому юность Тинто (уменьшительное имя от Тинторетто) складывалась по какому-то нашему, «расвийскому» сюжету. Ведь где, как не у нас, семинаристы затем становились бомбометателями, а мальчишки, грезившие пороком и Марксом, впоследствии отдавали силы борьбе с нигилизмом. В свое время Брасс решил стать адвокатом и поступил на юридический факультет (что напоминает начало карьеры

еще одного мальчика родом из Симбирска). Однако, получив диплом, вместо адвокатуры он решает уйти в манящий мир кинематографа. Итальянское кино середины 50-х пресытилось неореалистическими фильмами о шахтерах, партизанах и похитителях велосипедов, а удачные картины, проповедавшие новые формы (такие, как «Ночи Кабирины»), были исключением из правила. Молодой маэстро за неимением ничего лучшего предпочел заняться изучением старого кинематографа, работая в архиве Парижского музея кино. Через несколько лет Тинто становится помощником у Росселини, Кавальканти и Ивенса. А в начале 60-х тридцатилетний Брасс пробует себя в качестве постановщика. Остается удивляться, как этот дебютант сумел заманить легендарного «среднестатистического итальянца» Альберто Сорди в фантастическую комедию «Летающее блюдо» и в сборник новелл «Моя синьора». Несмотря на их коммерческий успех, Брасс резко отходит от производства подобной продукции. Середина 60-х — Вьетнам, Маркс, Троцкий, Джон Леннон, неумолимо грядущая сексуальная революция и вместе с ней «веселый» 68-й год. Тинто, уже успевший нахвататься левых взглядов, с головой кидается в омут экстремизма. Разумеется, здесь, что ни фильм, то полноценный философский трактат.

«Калигула»

«ВОПЛЬ». Трудно поверить, что картину, достигшую немислимых вершин идиотизма, мог создать взрослый человек. В эту пору философская концепция «брассианства» сводилась к следующему — мир абсурден, грязен и зол, поэтому мы — молодежь — можем делать все, что захотим. Если в автомобиле не работают дворники, то нет ничего проще, чем встать на бампер и помочиться на лобовое стекло. Государство, насаждающее в общество лицемерную мораль, является нашим врагом. Похоже, что Тинто сам пришел в ужас, и следующие его работы стали более сдержанными.

«ОТПУСК». Если когда-нибудь этот фильм выйдет у нас на видеокассетах, то вряд ли будет занимать место рядом с продукцией в стиле «Пентхаус». В своей аллегории режиссер с неожиданной лиричностью и грустью продолжает развивать идеи о гнилости государства, да и всего мира в целом. Женщина, проведшая долгие годы в психиатрической лечебнице (Ванесса Редгрейв), на несколько дней выходит на свободу, дабы проверить, может ли она существовать в обществе нормальных людей. Не трудно догадаться, что в итоге больная оказывается единственным нормальным человеком в мире безумцев и олигофренов.

«САЛОН КИТТИ». После четырехлетней перерыва Тинто Брасс отправился в бордель. «Дом терпимости» в отличие от «дома призрения» — последний островок настоящей свободы, даже если он находится на территории Третьего рейха. Однако гестапо пытается использовать сад наслаждений в своих тоталитарных целях. Этот «трактат» можно было бы назвать удачным, если бы в истории кинематографа не существовало таких шедевров, как «Гибель богов» и «Ночной портье».

«КАЛИГУЛА». Лента пользовалась бешеной популярностью из-за натурализма некоторых сцен, балансирующих на грани порно. Потрясенные невиданной смелостью сенаторских жен, зрители были уже не в состоянии восхититься актерским исполнением Малколма Макдауэлла, Джона Гилгуда и Питера О'Тула, а уж тем более искать в этом разврате философское зерно. Тинто Брасс, между тем, продолжает обнаруживать новые формы отображения своих полных пессимизма взглядов. Калигула — отвратительное чудовище, но и все остальное ничем не лучше. Поэтому император может горделиво заявлять о том, что он существует с начала веков. Этот фильм в творчестве Тинто Брасса — переломный. Похоже, леворадикальная дурь из его головы выходит, женские перси и ягодицы становятся более округлыми, а взгляды мужчин все более сладострастными.

«МОТОР». С 1968 года уже прошло десять лет, а Брасс все еще не перестает удивляться несправедливости миропорядка. То и дело из уст героев вылетает магическая фраза: «Mondo di merde!» («Дерьмовый мир!»). Символика ничуть не изменилась — психиатрические лечебницы, постоянно мелькающие полицейские, узкоколые обыватели и романтические герои, которым все позволено. Выход из этой безрадостности — наслаждения. Брасс голодом полоумной порноактрисы, мящей себя Офелией, говорит: «Если все так грустно и грязно, то давайте веселиться. Я стану петь и раздеваться, а вы будете смотреть». Начиная с «Мотора», вуайеристы и эксгибиционисты — истинные духовные братья маэстро. Они станут фир-

«Все женщины делают это»

менным знаком всех последующих работ режиссера и еще много-много раз раздражают и шокируют лживое общество, выставляя напоказ все свои прелести.

«КЛЮЧ». Это любимое детище маэстро, на которое он постоянно ссылается. Именно «Ключ» — манифест «брассианства», лозунгом которого могут служить слова героя: «Мне на все наплевать, за исключением кусочка плоти, висящего у меня между ног». Фашистские субботы, голос Муссолини из громкоговорителя, бесчисленные митинги теперь превращаются лишь в еле заметный фон. Жизнь — ничто по сравнению с вождельными плотскими формами.

«МИРАНДА». Это рассказ о женщине, ждущей возвращения мужа с войны. Неважно, с какой — со второй мировой или с первой пуниче-

ской. Так же неважно, как зовут героиню — Миранда или Венера. Главное — это телесная красота, делающая ее непрерывным объектом желаний. В «брассианской антропологии» идеальная женщина — это сексуально раскрепощенная, в меру сентиментальная, с добрым сердцем и щедрой плотью. Как ни парадоксально, но не холодная феминистская независимость, а напротив, манящая доступность дает ей право беспрекословно подчинять себе мужеский род.

«КАПРИЧЧО» («Любовь и страсть»). Тинто Брасс в очередной раз провозглашает важность и необходимость адюльтера в супружеской жизни. Если в его пучины погружаются и муж, и жена одновременно, то это пойдет лишь на пользу семейным устоям. Редкий случай, когда наглядным примером в подтверждение своих идей маэстро выбирает американцев. Возможно, свойственная им тяга к «проспери-

«Ключ»

ти» и связанное с этим обостренное чувство собственности предопределили подобный выбор. Даже в сексуальных связях на стороне они пытаются утвердить себя в качестве единоправных владельцев. Так «брассианство» постепенно перерастает из философии в религию, ибо адюльтер требует терпимости и доброты друг к другу.

«БАР-ЗАКУСОЧНАЯ «БУДА-ПЕШТ». Непонятно как затесался в череду эротических феерий по-настоящему серьезный философский фильм, поднимающий такие нравственные проблемы, как человеческая алчность, сопротивление злу и т. д. Несмотря на всю серьезность, Брасс не в силах изменить своему болезненному пристрастию к обнаженной натуре. Однако в этой картине мелькание женских телес выглядит, по меньшей мере, бессмысленным и никому не нужным, чего явно не скажешь о следующей работе.

«ПАПРИКА». Все смешалось в публичном доме. Похоже, режиссер, приближаясь к пенсионному возрасту, заразился болезнью, свойственной древнеримским творцам, — боязнь пустоты. От разнообразия женских задниц на экране становится тесно. Чем пристальней Брасс всматривается в эту часть тела, тем светлей и радостней становится его жизненная философия. От пессимизма и ненависти не осталось и следа. Новый лозунг от короля эротики: «La vita e breve!» («Жизнь ко-

ротка!»), поэтому нужно спешить наслаждаться, что с успехом и делает провинциальная девочка по прозвищу Паприка. Она молода и красива, может беззаботно скользить от одного борделя к другому. На ее пути встречаются то старики с фаллосами вакхических размеров, то загорелый моряк, которому она дарит речной пароходик, то пожилой граф, мечтающий умереть на груди у красавицы и взамен передался ей свой благородный титул. Но все дороги ведут в бордель, и Паприка, даже став графиней, все равно возвращается к своим сладострастным подругам.

«ВСЕ ЖЕНЩИНЫ ДЕЛАЮТ ЭТО». Дионисийское буйство нарастает. Происходящее на экране напоминает культуру средневековых карнавалов, во время которых представления о мире ставились с ног на голову. Здесь судят о внутреннем мире человека не по выражению лица и глубине взгляда, а по очертанию ягодиц. Для того чтобы узнать, какие чувства испытывает к тебе мужчина, достаточно засунуть руку ему в ширинку, и благородная плоть никогда не обманет. Поведение людей постепенно превращается в повадки животных. Однако в пространстве, заполненном оргиями и вакханалиями, маэстро оставил место и для настоящей любви. Как странно, что именно в этом наиболее разнуданном фильме чуть ли не впервые режиссер серьезно поставил вопрос о дуализме любви и страсти.

«Все женщины делают это»

«ПОДГЛЯДЫВАЮЩИЙ». Тинто Брасс скатывается до приторных штампов эротических зарисовок ночных телеканалов. Это унылое зрелище скрашивает великолепно прорисо-

ванный образ старого профессора, разбитого параличом, но с вечно эрегированной плотью. Перед тем, как попользоваться очередной красоткой, он по обыкновению спрашивает, свинья ли она. И краснеющие женщины признаются, что являются маленькими свинками. В итоге и его сын смиряется с тем, что придется делить не в меру красивую жену с собственным отцом.

«БРАССИАНСТВО». «Брассианский дух терпимости торжествует.

«ОТКРЫТАЯ ПОЧТА ТИНТО БРАССА». На данный момент это венец творения короля эротики. В главной роли, как видно из названия, сам маэстро. Фильм составлен из историй, присланных ре-

жиссеру многочисленными поклонниками, которые поведали ему о своих сексуальных перверсиях. Но изящность этих, по сути, грязных исповедей не идет ни в какое сравнение с глубоко символической концовкой — экранизацией сна добропорядочной секретарши Брасса.

Последний кадр последнего фильма — Тинто достает из штанов нечто, похожее на шланг или хобот, увенчанное на конце свинным рыльцем. Из этого шланга выходит мощная струя воздуха, которая задирает юбку девушки, обнажая ее причинное место. Жених возмущается поведением своей невесты, а девушка смеется: «Не волнуйся, милый, это же Тинто Брасс!».

Алексей КАЗАКОВ

Тинто Брасс на съемках